

Czas w kulturze rosyjskiej

Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Czas w kulturze rosyjskiej
Время в русской культуре

Seria Antropologia Kultury Rosyjskiej
pod red. Andrzeja Dudka

Dotychczas ukazały się:

Rosyjskie dzieciństwo. Русское детство, pod redakcją Katarzyny Dudy i Andrzeja Dudka, Kraków 2015

Katarzyna Anna Duda, *Szkice o prozie rosyjskiej XXI wieku. Ulicka, Szyszkin, Pielewin, Minajew, Sienczyn, Kuricyn, Starobiniec...*, Kraków 2017

Czas w kulturze rosyjskiej

Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Kraków 2019

© Copyright by individual authors, 2019

Recenzenci:

prof. dr hab. Tereza Obolevich (SBDNP)

prof. dr hab. Anna Woźniak

prof. dr hab. Joachim Diec

prof. dr hab. Zbigniew Greń

Redakcja

Helena Piecuch, Magdalena Romanowska

Koncepcja okładki

Marta Dudek

Opracowanie graficzne

Paweł Sepielak

ISBN 978-83-8138-138-3

DOI <https://doi.org/10.12797/9788381381383>

Publikacja dofinansowana przez Wydział Studiów Międzynarodowych i Politycznych
Uniwersytetu Jagiellońskiego

KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel./faks: 12 431 27 43, 12 421 13 87

e-mail: akademicka@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: www.akademicka.pl

Spis treści. Содержание

Andrzej Dudek , Czas w kulturze rosyjskiej. Uwagi wstępne.....	9
---	---

CZAS W JĘZYKU. JĘZYK W CZASIE ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ. ЯЗЫК ВО ВРЕМЕНИ

Ewa Komorowska , Frazeologizmy z wykładnikiem <i>время</i> w języku rosyjskim.....	23
Алла Лихачева , Фактор времени в современном российском городском номинативном дизайне.....	41

SAKRALNE I MITOLOGICZNE RYTMY CZASU САКРАЛЬНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РИТМЫ ВРЕМЕНИ

Елена Левкиевская , Время земное и время мифологическое в русских мифологических нарративах.....	55
Hanna Kowalska-Stus , Пространственное восприятие времени в кругу византийской культуры.....	65
Józef Kuffel , Aspekty temporalne w <i>Żywocie św. Kiryła Biełozierskiego</i>	77
Anna Kościółek , Пост в жизни и творчестве Андрея Муравьева	89
Наталья Мариевская , Историческое и сакральное время в структуре современного российского фильма. Звягинцев – Сокуров – Балабанов	101
Małgorzata Abassy , Człowiek w czasie i czas w człowieku. Fenomen czasu w ujęciu Jewdokiji Marczenko – „Radasteja”	115

KONCEPTUALIZACJE CZASU W ROSYJSKIEJ MYŚLI TEOLOGICZNEJ I FILOZOFICZNEJ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Dymitr Romanowski , Александр Шмеман. <i>Sub specie aeternitatis</i>	133
Виктор Троицкий , Энантиодромия как обобщенная форма времени в русской культуре Серебряного века.....	149

Оксана Седых , Миг и вечность как антиномия: П.А. Флоренский и культура Серебряного века.....	157
Елена Тахо-Годи , Проблема времени в художественной прозе А.Ф. Лосева	171
Leszek Augustyn , Kultura transcendencji: czas egzystencjalny w ujęciu Mikołaja Bierdiajewa.....	181
Marta Lechowska , Маскарад как бегство от самого себя. Рассуждения Федора Степуна о человеке, времени и вечности.....	195
Roman Mnich , Проблема времени в философском литературоведении Дмитрия Чижевского	203

KULTUROZNAWCZE I HISTORYCZNE KONCEPTUALIZACJE CZASU КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Ирина Колесник , Категория времени в науке и культуре: рефлексии историка	217
Ирина Едошина , Эпоха <i>fin de siècle</i> : культурфилософские очертания.....	233
Александр Турыгин , Теория „переломного времени” Райнхарта Козеллека: возможности применения в изучении российской истории XVIII в.....	249

CZAS JAKO ASPEKT ŻYCIA SPOŁECZNEGO ВРЕМЯ КАК АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Елена Самойлова , Локальные маркеры времени в традиционной культуре поморов XIX-XX вв.....	265
Валентина Веремко , Ощущение времени в концепте передовой педагогики в России в начале XX века.....	275
Ирина Синова , Революция 1917 года в России как фактор времени в контексте ретрансляции на повседневную жизнь.....	287
Алла Сальникова , „До” и „после”: репрезентация времени в детских автобиографических нарративах первого советского десятилетия.....	297
Татьяна Руюткина , Трансформация понятий „раньше” и „теперь” в народной памяти (по материалам „устной истории”).....	307
Ильнара Ханипова , Реалии нового советского времени в деревне татарской АССР и их отражение в национальной литературе 1920-1930-х гг.....	317
Kinga Nędza-Sikoniowska , „Czasie, naprzód!” Chronometraż w zakładzie pracy, w radzieckim społeczeństwie, w nowej rodzinie.....	331
Stanisław Fiszer , Концептуализация социального и исторического времени в позднем творчестве Александра Зиновьева.....	347
Иван Радиков , Проблема баланса потоков политического времени в развитии российского общества.....	355
Marian Broda , Paradoksy teorii rosyjskiej (nie)współczesności? Iwana Jesaulowa koncepcja mitologicznej dominanty w strukturach postsowieckiej codzienności.....	367

Anna Kadykała , Забыть Афган? Нет, невозможно. Об эволюции восприятия советско-афганской войны (1979-1989) в общественном сознании россиян и в российском политическом дискурсе	379
--	-----

TEMPORALNE ASPEKTY LITERACKIEGO OBRAZU ŚWIATA ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Василий Щукин , Художественные модели времени в русской литературе XIX века (на материале избранных произведений классиков)	395
Михаил Строганов , Одолеть пространство временем. Время в русском травелогe XIX века	405
Константин Баршт , Время и Апокалипсис в произведениях Ф.М. Достоевского	413
Magdalena Dąbrowska , Wiersz Michała Murawjowa <i>Noc</i> – tekst i konteksty	433
Елена Созина , Время и место. Феномен восьмидесятилетия и его рефлексии: М.Н. Альбов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов	443
Евгения Строганова , Тюремно-каторжные тексты И.П. Ювачева: особенности восприятия и репрезентации времени	455
Светлана Титаренко , Идея вечного возвращения Фридриха Ницше в поэзии русского символизма	465
Izabella Malej , „Жизнь и смерть в круженье вечном”. О metamorfozach czasu w twórczości Aleksandra Błoka	479
Йозеф Догнал , Роль времени в повести А.М. Ремизова <i>Часы</i>	495
Andrzej Dudek , Между мгновением и вечностью. Временные аспекты картины мира в творчестве Дмитрия Мережковского	505
Iwona Krycka-Michnowska , Wobec przemijania. <i>Jęgor Bułyczow i inni</i> Maksyma Gorkiego – próba (re)interpretacji	523
Monika Sidor , Czas historyczny i doświadczenie. Strategia opisu przeszłości w epopei <i>Czerwone Koło</i> Aleksandra Sołżenicyna	535
Kristina Vorontsova , Время как постмодернистская игра в повести Елены Шварц <i>Концерт для рецензий</i> : Гоголь, Довлатов и все-все-все	545
Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak , „Время для космоса болезнь, а для нас – древо жизни”. Метафизика времени в прозе Михаила Шишкина	557
Martyna Kowalska , Хаос времени – время хаоса. Роль и значение времени в современной российской драматургии	573
Bartłomiej Brząkiewicz , Потерянный во времени. Сюжетные сложности современной русской прозы. Выбранные примеры	591

Алла Сальникова

Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

„До” и „после”: репрезентация времени в детских автобиографических нарративах первого советского десятилетия

“Before” and “After”: Representations of Time

in the Children’s Autobiographical Narratives of the First Soviet Decade

Abstract: The author of the article analyzes the specifics of the children’s temporal ideas about the past, present and future, which are reflected in the children’s autobiographical narratives (“Chronicles”) of the first post-October decade. In spite of the different social genealogy – “proletarian” “red” children’s texts or the texts created by their emigrant peers abroad – all of them belong to the same genre and are close in their form and content evaluating the period of the 1917 Revolution and the following Civil war in Russia as the «frontier» that marked the end of the old era and the beginning of the «other» life taking place in the new time dimensions of Soviet or emigre existence.

Special attention is given to the temporary organization of the children’s autobiographical narratives, determined by the different time forms and orders, different time modalities (past, present, future) and sequences. It is proved that the main constructing model of such texts is the event time, usually built in a simple sequence of events (since the autobiography is history), and the main object of content is the description of the child’s life and the life of his / her family, which characterize the time. Mythical, fabulous time, easily transferred by the children to the events of reality is presented as one of the mostly specific features of the children’s narratives.

Keywords: autobiographic narratives, representations of time, Russian / Soviet childhood, children’s texts, Soviet Russia, 1917-1927.

Переход от „длинного” XIX к „короткому” XX веку в России был ознаменован, как известно, чередой войн и революций, сломавших прежний временной континуум и обозначивших наступление новой советской эпохи. Этот слом, активно, упорно и откровенно постулировавшийся новой властью

и с каждым днем все явственнее осознаваемый представителями различных социальных слоев, нашел свое достаточно яркое отражение в документах разного рода, в том числе и в автобиографических нарративах, представляющих собой некую языковую презентацию жизни, основанную на таких важнейших системообразующих понятийных категориях, как Пространство и Время.

Объектом данного исследования являются детские автобиографические нарративы первых лет советской власти, созданные юными современниками, свидетелями и участниками революции 1917 г. и гражданской войны в России. При всей их оценочной непохожести, обусловленной в значительной мере разницей в социальной генеалогии (тексты детей „чужих”, в том числе эмигрантские, и тексты детей „своих” или тех, кому еще только предназначено было стать „своими”), в содержательном и жанровом плане все они представляют собой личные рассказы – воспоминания детей о революционных событиях в стране, универсальным метасюжетом которых является автобиография ребенка (жанр „Я-во-времени”). Изложены они были в разных формах – в форме школьных сочинений, рассказов, стихов, дневниковых записей, развернутых ответов на вопросы анкет, писем и корреспонденций в газеты и журналы и пр.

Временная организация такого рода текстов во многом является достаточно специфичной, что обусловлено особенностями той „творящей” группы, к которой принадлежали их авторы. Возрастные особенности приобретают в данном случае одно из определяющих значений, ибо психологическое время личности, под которым в психологии понимается отражение в психике человека системы временных отношений между событиями его жизненного пути¹, есть категория преходящая и изменчивая, а у детей – только формирующаяся.

Основную конструирующую модель детских нарративов о событиях Октября и раннесоветского периода в России составляет событийное время, выстраиваемое обычно в простую последовательность событий (поскольку автобиография есть история), причем основным содержательным объектом становится описание жизни и быта семьи, которые и характеризуют время. Дети рассказывают, прежде всего, о том, как они „жили” – как играли, как учились, как встречали Рождество, как уезжали на лето в загородное имение, как работали на фабрике, как голодали:

---

¹ См., в частности: Е.И. Головаха, А.А. Кроник, *Психологическое время личности*, Москва 2008.

У нас было собственное имение, и мы жили довольно роскошно [...]. Наутро я просыпался всегда веселый, одевался, умывался, молился Богу и шел в столовую, где уже был накрыт стол [...]. После чая я шел заниматься, решал несколько задач, писал две страницы чистописания и т. д. После уроков я шел гулять в большой сад; если это было летом, то я рвал большие букеты цветов и по звону колокола бежал домой. За обедом меня пичкали всякими котлетками, курицей и индейкой, и вообще всем, чем только было можно².

Однако на этой временной оси события выстраиваются неравномерно³. Центральные, доминантные звенья – так называемые „якорные события“, смысл которых оценивается обычно достаточно высоко и которые могут стать и обычно становятся началом нового жизненного цикла, перемежаются с второстепенными, субдоминантными элементами, которые выполняют лишь роль смыслового фона или связки. Причем в качестве доминантных звеньев в детских текстах выступают как события „внешнего“ событийного или процессуального ряда (война, революция, встреча с выдающейся личностью и т. д.), так и события „внутренние“, семейные (тяжелая болезнь и смерть близких, разъединение или воссоединение семьи, изменение социального статуса ее членов, миграции, эмиграция из России). Американский исследователь Ричард Коу, автор ставшей уже классической работы о воспоминаниях о детстве в литературной автобиографии, проанализировав более 600 источников, отнес к числу наиболее устойчивых детских воспоминаний экстраординарные события, сопровождающиеся яркими, насыщенными зрительными образами и сенсорными ощущениями и часто имеющие отрицательную эмоциональную окраску⁴. Эти яркие и детализированные воспоминания являются, с одной стороны, результатом и следствием собственно детского травматического опыта, а, с другой, объектами неоднократно повторяющихся семейных воспоминаний, „устной семейной хроники“, и, таким образом, дополнительно закрепляются в памяти ребенка. Иногда тяжесть пережитого столь велика, что детская психика не выдерживает, и дети отказываются продолжать свои воспоминания: „Жили мы в деревне, пришел голод. Бабушка уехала в Сибирь и померла. Дедушка тоже умер. Больше писать не

² *Дети русской эмиграции: Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники*, Москва 1997, с. 88.

³ О различных типах временной согласованности в Я-нарративах, в том числе детских и юношеских, см. Ю.Е. Зайцева, *Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход*, „Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология, Педагогика” 2016, вып. 1, с. 118-136.

⁴ Richard Coe, *When the Grass was Taller: Autobiography and the Experience of Childhood*, New Haven, London 1984, p. 99.

хочу”⁵. Смерть как образ остановившегося времени занимает в детских текстах особое место, хотя советская пропаганда 1920-х гг. успешно использовала иррациональный детский страх перед смертью как прекрасную предпосылку для внедрения в детское сознание и детскую память мифологических образов „бессмертных” советских героев и вождей („Ленин всегда живой!”).

„Внешний” и „внутренний” временной континуум расходились и переплетались, причем выбор внешних событий обуславливался, в первую очередь, степенью их влияния на жизнь семьи или самого ребенка. Поэтому революция 1917 г. или, скажем, гражданская война зачастую носили для него не только „локальный”, „местный”, но и одномоментный характер и датировались временем непосредственного соприкосновения юного современника с происходящими событиями: „Я встал утром, попил чаю и вышел на улицу. Там было очень много народа, и они говорили, что сегодня будет русская революция. Я пошел смотреть”⁶. Причем события „внутренней” детской жизни подчас маркировали и датировали важные для взрослых, но не столь значимые для детей события внешнего ряда:

Я помню хорошо день вступления „красных” в наш город. Выстрелы становились слышнее и чаще, но это была ружейная и пулеметная стрельба. Вдруг послышались „уханья”. В ход пошли орудия. Мерно и тяжело „ухали” сорокадюймовки. Но мы, дети, не обращали на все это ни малейшего внимания. Нас занимала елка⁷.

„Календарная” хронология присутствовала обычно лишь в детских дневниках и школьных летописях, чего требовала сама специфика жанров. В других источниках она, как правило, была опосредована событиями, отсутствовала вообще или была весьма приблизительна:

Тогда (выделено авт.) воцарился новый порядок и новое правительство заседало в Государственной Думе, под господином Родзянко. Но скоро (выделено авт.) Временное правительство начало приходить в упадок и министры проходили в отставку, их сменили другие и за этого Россия поделилась на партии и партии начали между собой враждовать; [...] по скорости (выделено авт.) стал недостаток хлеба, тогда (выделено авт.) многие пошли напротив войны и они прозвались большевиками, но много народу пошли и напротив большевиков (орфография сохранена – авт.)⁸.

⁵ А.Ф. Гринберг, *Рассказы беспризорных о себе*, Москва 1925, с. 149.

⁶ В. Воронов, *Февральская революция в детских записях*, „Вестник просвещения” 1927, № 3, с. 6.

⁷ *Дети...*, с. 163.

⁸ В. Воронов, *Октябрьская революция в детских записях*, „Вестник просвещения” 1927, № 12, с. 4, 6.

Имеющиеся в текстах, особенно у детей в возрасте 6-9 лет, временные пробелы и разрывы, заполнялись детской фантазией или восполнялись со слов взрослых. Дети просто вынуждены были это делать, поскольку нарратор в силу своего возраста был резко ограничен в знаниях, касающихся как ранних этапов его собственной жизни, так и макроплановых событий и процессов, выходящего за „горизонты“ детского социума⁹. Эмпирическому, профанному времени в детском мире противопоставляется время мифическое, сказочное, причем это образное временное начало легко и с удовольствием переносится детьми на события реальной действительности. Так, дочь Марины Цветаевой, Ариадна Эфрон вспоминала, что во время широкомаштабной акции по написанию сочинений на тему „Мои воспоминания с 1917 года до поступления в гимназию“, осуществленной в первой половине 1920-х гг. эмигрантским Педагогическим бюро по делам низшей и средней школы за границей в Праге, один из ее одноклассников начал свое сочинение фразой: „Когда я родился, мне было пять лет“, а закончил словами: „Там меня съел лев, там меня и похоронили“¹⁰.

При оценке того или иного периода времени у детей очень велико значение эмоциональной доминанты:

Тихо (выделено авт.) и мирно (выделено авт.) жилось мне, ни горя, ни беды не знала я тогда; часто вспоминается мне это последнее светлое (выделено авт.) время в России [...], время моего детства было тихое и счастливое [...] (выделено авт.), это было тяжелое (выделено авт.) время, даже жутко вспоминать [...], мне страшно вспоминать минувшее время, такое свирепое и беспощадное [...] (выделено авт.), такое жестокое и немое (выделено авт.)¹¹.

Детская память и детское восприятие фиксировали не столько фактическую сторону исторических событий и ситуаций, сколько особенную реакцию на них и сопряженные с этим бытовые трудности:

Нечего было читать, и не на чем писать, да и не очень-то хотелось учиться на голодный желудок [...] ¹², дела идут все хуже и хуже, наступает холод и голод,

⁹ Так называемая недиегетическая позиция рассказчика, когда нарратор присутствует лишь как объект действий других. См. В.В. Нуркова, *Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой: автобиографический нарратив с позиций культурно-деятельностного подхода*, „Развитие личности“ 2010, № 1, с. 78.

¹⁰ *Что я помню о России*, „Достоинство“ 2006, № 16 (622).

¹¹ *Дети...*, с. 35, 39, 65, 257. На особое значение эмоциональной доминанты в личных, в частности, в семейных мемуарах, указывала и И. Разумова. См. И.А. Разумова, *Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История*, Москва 2001, с. 307.

¹² Н.А. Рыбников, *Автобиографии рабочих и их изучение*, Москва 1930, с. 51.

и многие люди от этого умирают. И каждый вечер, когда ложишься спать, то благодаришь Бога, что прожил день и не умер¹³.

Сам хронотоп детской жизни первых лет советской власти (в бахтинском понимании – как „слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом”¹⁴) представляет собой типичный образец „хронотопа разрыва”, а точнее – хронотопа не просто „разорванного”, но „сломанного”. Точкой „слома” во всех почти без исключения детских текстах выступает 1917 год и последовавшие за ним события. Эту точку дети осознанно или подсознательно определяют на основе своего детского опыта. И она же активно навязывается им в ходе советских образовательно-воспитательных практик. Вот, например, как метафорическая схема изменения времени как изменения пространства по излюбленному советской пропагандой принципу „прежде и теперь” представлена в одном из самых популярных советских детских журналов „Мурзилка”:

Теперь живем в огромном доме / На воротах львиная пасть... / Где были барские хоромы / Там наша рабочая власть [...]; В этом доме жил купчина / Десять лет тому назад / И растил на смену сына / А теперь здесь детский сад [...]
/ Где на площади пустынной / Дворник гнал ребят метлой / В сквере по дорожке длинной / Дети носятся толпой¹⁵.

Распространенной темой сочинения в советской трудовой школе была тема „Как жили прежде и как живут теперь”. Столь же противопологающий и политически оценочный характер носили вопросы советских педагогических (педологических) анкет – своеобразного способа организации детской памяти, направленного на „вспоминание прошлого”: „Какая власть была у нас до революции”, „у кого была захвачена власть в Октябре”¹⁶. Структура подобного воспоминания „о переломном событии” строилась на содержательном сопоставлении и противопоставлении жизни ребенка „до” и „после”. Разрешение противоположения могло быть осуществлено равно в пользу „прошлого” (сюжет об „утраченном рае” в эмигрантских детских нарративах) и „настоящего” (сюжет о пережитых трудностях и об обретен-

¹³ Г. Спасская, *Современная жизнь в детских сочинениях*, [в:] *Современный ребенок*, под ред. К.Н. Корнилова и Н.А. Рыбникова, Москва 1923, с. 54.

¹⁴ М.М. Бахтин, *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике*, [в:] его же, *Вопросы литературы и эстетики*, Москва 1975, с. 234.

¹⁵ Э. Шолок, *Октябрь*, „Мурзилка” 1927, № 11, с. 12-13; С. Благушев, *Прежде и теперь*, там же, с. 20-22.

¹⁶ Об этом см. А.А. Сальникова, *Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования*, Казань 2007, с. 88-90.

ной „счастливой жизни“ в советских нарративах): „кругом нас все изменилось, и некогда жизнь, бывшая такой светлой, переменилась и померкла“, „старое нельзя сравнивать с теперешним, нет чего-то неуловимого, что – я не могу сказать, и никогда не будет“¹⁷ и, напротив: „пришлось пережить всякую жизнь, в особенности при белой банде, угнетали нас, пайка не давали, все время притесняли и т. п. Пришли наши товарищи, и мне стала жизнь светлая, хорошая“¹⁸. Но не все было так однозначно – ведь хронотоп даже тяжелого „добольшевицкого“ рабоче-крестьянского детства (точнее „антидетства“), когда „на фабрику поступил с 12 лет, и каждый день плакал“ или когда „работал с десяти лет по чайным и ничего не понимал“, также был сломан. Качественное изменение модели поведения, диктуемое новым временем, означало выход из зоны привычного, а, следовательно, комфортно-го. Погружение в новую жизнь воспринималось многими из таких детей с неприязнью: „Школьная обстановка после улицы, свободной и просторной улицы, начала меня душить“¹⁹. Появление все новых разрывов и провалов в их „жизненном маршруте“ вызывало у детей смутное чувство тревоги и неопределенности, „ощущение чего-то нового и потому страшного“²⁰.

Хотя темпоральная модель автобиографических детских текстов была в основном ориентирована на временную последовательность, она отнюдь не предопределяла единства нарративной схемы. Подчас детские нарративы были фрагментарны, и такая фрагментация являлась либо результатом сознательного выбора стиля изложения у подростков или особенно у юношей и девушек, либо следствием невозможности последовательно выстроить и изложить события революции и гражданской войны у более младших детей, которым они представлялись калейдоскопической сменой ярких картинок: „Картины недалекого прошлого пробегают перед глазами, как в калейдоскопе, одна заслоняет другую, одна другой кошмарнее. Уследить за всеми и описать все нет никакой физической возможности“²¹. Поэтому многие дети предпочитали последовательному временному логическому повествованию иллюстрирующие рассказы-новеллы, а нередко – аффективно-эмоциональное описание одного конкретного эпизода (по принципу „flashbulb“ – яркая вспышка). Часто такое описание представляло собой моментальное „фотографическое воспоминание“ или „стиховой рисунок“:

¹⁷ Дети..., с. 327, 465.

¹⁸ Н.А. Рыбников, *Автобиографии...*, с. 55, 59.

¹⁹ Там же, с. 51.

²⁰ Дети..., с. 170.

²¹ Там же, с. 374.

Огромная круглая дыра во втором этаже большого нового дома, такая большая, что вся внутренность комнаты виднелась наружу: сломанная кровать, умывальник, висевший, зацепившись одной ножкой, следы крови и стакан 6-ти дюймового снаряда на полу” [...]”²²; дом поломанный стоит, крыша на земле лежит, а рядом ребята играют в солдаты²³.

Эффект „припоминания”, когда в уже написанные тексты добавлялись „вспомнившиеся” фрагменты („вспомнил, наконец, еще кусочек, пишу”²⁴), делало их хронологически непоследовательными, темпорально „рваными”, но в то же время свидетельствовало об искренности юных авторов в их стремлении „вспомнить все”.

Гораздо меньшее место, чем прошлому и настоящему, было уделено в проанализированных детских автобиографических нарративах будущему. Детям эмиграции будущее это представлялось настолько сложным, туманным и неопределенным, что они практически вообще ничего о нем не писали. Некоторые, правда, сообщали о своем желании вернуться, но им претило новое советское отечество, враждебный и непривычный для них „антимир” советской власти и большевизма: „Я с удовольствием бы вернулся в Россию, но не в сов-Россию, а в единую неделимую Россию, и пока только и живу этой надеждой”²⁵. Подчас, не желая самораскрыться и обнажить свои чувства, дети-эмигранты заканчивали свои тексты лозунговыми призывами: „Сыны России с окрепшими силами и верой в правое дело станут на русский берег и освободят Россию от власти Интернационала!”²⁶

Что касается „своих”, „красных” детей, то это воображаемое будущее, воплотившееся в большевистской утопии „светлого коммунистического завтра” и ставшее важнейшим политическим фактором воспитания подрастающего поколения, казалось бы, должно было быть им близко и понятно, в силу своей схожести с жанром сказки. Но эта социальная утопия утвердилась в детском сознании далеко не сразу. По крайней мере, даже ближе к концу первого советского десятилетия в сочинениях детдомовцев, которых советская власть рассматривала как наиболее благоприятный исходный материал для конструирования „нового советского человека”, часто встречались очень трезвые и осторожные оценки будущего, особенно когда речь заходила о личном: „Может быть, мы выйдем в люди”, „не знаю, что дальше будет – лучше или хуже” и даже „что Бог пошлет, то и ладно”²⁷.

²² Там же, с. 265.

²³ К.И. Чуковский, *Маленькие дети*, Ленинград 1929, с. 177.

²⁴ *Дети...*, с. 75.

²⁵ Там же, с. 463.

²⁶ Там же, с. 454.

²⁷ А.Ф. Гринберг, *Рассказы...*, с. 108, 111, 118.

Ситуация кардинально меняется лишь к рубежу 1920-1930-х гг., когда опирающаяся на государственную мощь идеологическая машина, сминая все вокруг, достигает своей цели, и дети начинают активно участвовать в организованных властью утопических проектных кампаниях, разработанных в духе романтического революционаризма, изображая или описывая, например, города будущего на страницах советских детских журналов (впрочем, аутентичность присланных в редакции детских писем и рисунков остается под вопросом).

Таким образом, несмотря на сложность и многомерность временной организации детских автобиографических нарративов первого советского десятилетия, определяемую различными временными формами и порядками, различными временными модальностями (прошлое, настоящее, будущее) и последовательностями, всех их объединяет одно: складывание и четкое запечатление представления об этом времени как о времени – „рубеже“, обозначившем конец старой эпохи и начало „другой“ жизни, проходящей в новых временных измерениях советского или эмигрантского бытия.

Библиография

- Бахтин М.М., *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике*, [в:] его же, *Вопросы литературы и эстетики*, Москва 1975.
- Благушев С., *Прежде и теперь*, „Мурзилка“ 1927, № 11.
- Воронов В., *Октябрьская революция в детских записях*, „Вестник просвещения“ 1927, № 12.
- Воронов В., *Февральская революция в детских записях*, „Вестник просвещения“ 1927, № 3.
- Головаха Е.И., Кроник А.А., *Психологическое время личности*, 2-е изд., испр. и доп., Москва 2008.
- Гринберг А.Ф., *Рассказы беспризорных о себе*, Москва 1925.
- Дети русской эмиграции: Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники*, сост. Е.И. Петрушева, Москва 1997.
- Зайцева Ю.Е., *Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход*, „Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология, Педагогика“ 2016, вып. 1.
- Нуркова В.В. *Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой: автобиографический нарратив с позиций культурно-деятельностного подхода*, „Развитие личности“ 2010, № 1.
- Разумова И.А., *Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История*, Москва 2001.
- Рыбников Н.А., *Автобиографии рабочих и их изучение*, Москва 1930.
- Сальникова А.А., *Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования*, Казань 2007.

Спаская Г., *Современная жизнь в детских сочинениях*, [в:] *Современный ребенок*, под ред. К.Н. Корнилова и Н.А. Рыбникова, Москва 1923.

Что я помню о России, „Достоинство” 2006, № 16 (622).

Чуковский К.И., *Маленькие дети*, Ленинград 1929.

Шолок Э., *Октябрь*, „Мурзилка” 1927, № 11.

Coe R., *When the Grass was Taller: Autobiography and the Experience of Childhood*, New Haven, London 1984.

Информация об Авторе

Алла Аркадьевна Сальникова (Алла А. Salnikowa) – доктор исторических наук, профессор, профессор Кафедры отечественной истории Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия.

e-mail: Alla.Salnikova@kpfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5498-1401>

Utrwalone w świadomości Rosjan wyobrażenia o istocie czasu, odzwierciedlone w ich dziełach artystycznych, w myśli filozoficznej i teologicznej, w praktykach społecznych, rytuałach, mitach, w przeświadczeniach o naturze codzienności, stanowią materiał dla refleksji podjętej przez autorów tomu *Czas w kulturze rosyjskiej. Время в русской культуре*.

Rosyjskie doświadczanie i konceptualizowanie czasu analizowane jest z perspektywy kulturoznawstwa, filozofii, literaturoznawstwa, filmoznawstwa, językoznawstwa, folklorystyki, politologii i historii.

Rozważania o swoistym dla Rosjan odczuwaniu czasu, myśleniu o nim i jego wyobrażeniach, przedstawione zostały w rozdziałach poświęconych następującym zagadnieniom: czas w języku – język w czasie; sakralne i mitologiczne rytmy czasu; konceptualizacje czasu w rosyjskiej myśli teologicznej i filozoficznej; kulturoznawcze i historyczne ujęcia czasu; czas jako aspekt życia społecznego; temporalne aspekty literackiego obrazu świata.

W niniejszym tomie swoimi refleksjami dzielą się badacze reprezentujący uniwersytety i centra badawcze z siedmiu krajów.

